

Юлия Евгеньевна Бут

Кандидат исторических наук, доцент, департамент «Исторический факультет», Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. 620075, просп. Ленина, 51. E-mail: j.e.komleva@urfu.ru

Дискурс свободы в австрийской педагогической прессе 1867–1914 гг. как инструмент протеста против государственного и общественного контроля

После образования дуалистического государства в Австро-Венгрии школа и вопросы образования стали ареной межнациональной и межпартийной борьбы, а также объектом усиленного контроля со стороны государства. Все интересанты видели в системе светского образования эффективный инструмент усиления своего влияния. По мере того как школа и учителя испытывали возрастающее давление с их стороны, слово «свобода» все громче звучало в публичных выступлениях на собраниях учительских союзов и все чаще фигурировало на страницах педагогической периодической печати. В статье проанализированы материалы педагогических журналов и газет, являвшихся печатными органами учительских союзов разной политической ориентации, в которых австрийские школьные учителя с помощью дискурса «свободы» выражали взгляды на свою профессию, идентичность и общественную роль. В результате исследования были выделены следующие основные значения свободы в полемике австрийских учителей: личная свобода и гражданские свободы, профессиональная свобода, свобода в выполнении своей национальной миссии, свобода от политической ангажированности. Особое внимание в данной работе уделено политике венского Министерства культуры и просвещения и действиям габсбургской бюрократии. Именно они привели к тому, что со стороны учителей появились требования свободы, что позволяет скорректировать полученные результаты в историографии, ранее игнорировавшей роль государственных чиновников в становлении и развитии школьной системы Австро-Венгрии. Автор подвергает сомнению тезис о пассивности габсбургских чиновников перед натиском националистов и утверждает, что протесты учителей против ограничения их свободы были вызваны стремлением бюрократии улучшить качество преподавания в школах и обеспечить гражданско-патриотическое воспитание школьной молодежи, нацеленное на развитие чувства «австрийскости», любви к «большому Отечеству» и лояльности правящей династии.

Ключевые слова: Габсбургская монархия, Австро-Венгрия, школа, история образования, национализм, патриотизм, лояльность, гражданско-патриотическое воспитание, национальная идентичность, педагогическая пресса

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067/>, проект «Лояльность и патриотизм в полиэтничном обществе: процессы индоктринации в империи Габсбургов во второй половине XVIII — начале XX в.».

Статья поступила в редакцию: 2 мая 2024 г.

Статья принята к печати: 4 июня 2024 г.

Цитирование: Бут Ю.Е. Дискурс свободы в австрийской педагогической прессе 1867–1914 гг. как инструмент протеста против государственного и общественного контроля // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 13–42. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.1>.

«Мы хотим свободную школу!» — такой фразой один из чешских учителей, выступавших на ежегодном собрании Немецко-австрийского учительского союза в Вене в 1899 г., закончил речь, призывавшую преподавателей всех национальностей Габсбургской монархии объединиться в борьбе за свою свободу. «Мы не хотим, чтобы наша свобода была потеряна и нас нанимали как простых рабочих», — заключил оратор, и его заявление было встречено «громом аплодисментов» со стороны присутствовавших учителей¹. Эти слова хорошо иллюстрируют настроения школьных учителей Цислейтании, их профессиональное самосознание и растущий протест против усиливающегося контроля со стороны государства, националистических организаций и политических партий в период дуалистической монархии.

Организация школьной системы и учебного процесса всегда зависела не только от развития педагогических теорий, но и от текущих общественных движений, а также в значительной степени определялась господствующей политической идеологией. «Школьная система, однако, является и всегда будет оставаться вопросом политическим», — гласит, пожалуй, одно из самых известных изречений императрицы-королевы Марии Терезии (1740–1780 гг.), стоявшей у истоков светской школы в Габсбургской монархии². В последней

¹ Die Außerordentliche Versammlung des Deutsch-österreichischen Lehrer // Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermarkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 31. 12. November 1899. S. [1]–[4]. S. [4].

² Olechowski 2011: 253.

трети XIX в. государственные, партийные и националистические лидеры усилили интерес к вопросам образования, видя в школе и учителях эффективный инструмент для укрепления своего влияния. Если в первой половине XIX в. учителя выступали как «профессиональные патриоты» и агенты государства на местах по воспитанию лояльности династии и любви к Отечеству³, то в последней трети века они взяли на себя и другие функции, в том числе по распространению национальных и политических идей среди школьной молодежи.

Начиная с 2000-х годов в зарубежной литературе вышел ряд весьма любопытных исследований, в той или иной степени затрагивающих вопрос гражданско-патриотического воспитания в рамках габсбургской системы школьного образования⁴. Авторы этих работ убедительно доказывали, что создатели австрийской системы образования хотели, чтобы школы служили инструментом гражданского воспитания и закладывали основы патриотизма и лояльности у школьников на всю их последующую жизнь. В рамках учебных программ по истории и географии четко транслировалось положение о том, что общее прошлое и общие цели прочно объединяют население Габсбургской монархии, несмотря на все его разнообразие. С помощью школьных курсов создавался пантеон героев полиэтничного Отечества, служащих примером для подражания и стирающих внутренние национальные границы⁵. На страницах учебников, журналов и книг для школьной молодежи прошлые представители династии Габсбургов и правящий император Австро-Венгрии Франц Иосиф I (1848–1916 гг.) олицетворяли собой идеал правителя, умеющего защитить монархию в случае опасности и подданных, которые ему безоговорочно преданы⁶. Всех жителей монархии, вне зависимости от этнической и национальной принадлежности, должна была связывать общая идея исторической миссии австрийского государства, которая наделяла его легитимностью, объясняла его прошлое, оправдывала настоящее и задавала ориентиры будущего. Уроки

³ Unowsky 2005: 129.

⁴ Особую ценность в этом отношении представляет: Moore 2020. См. также: Puttkamer 2003; Unowsky 2005; Judson 2006; Bruckmüller 2007; Zahra 2008; Puttkamer 2008; Weber 2010; Комлева 2014; Комлева 2015; King 2018; Hofeneder, Surman 2018; Moore 2019; Almasy 2019; Svřček 2020; Бут, Баченина 2022; But 2022 и др.

⁵ См.: Комлева 2014; Bruckmüller 2007; Cole 2014; But 2022.

⁶ См.: Бут 2020а; Бут 2020б.

истории и географии в сочетании с уроками краеведения и литературы способствовали развитию чувства «австрийскости», лояльности правящей династии и многослойной идентичности. Что не менее важно, эти уроки формировали «ментальную карту» Австро-Венгрии, на которой государство представлялось логичным и закономерным итогом исторического развития Европы⁷. Габсбургские чиновники также следили за тем, чтобы идеологические доктрины, транслируемые на школьных уроках, подкреплялись организацией соответствующих празднований в школах и, по возможности, участием школьников в династических мероприятиях, проводимых городской и окружной администрацией⁸.

Тем не менее, по мере роста национальных движений и усиления напряженности между националистическими организациями школы во многих случаях превращались в передовую национальных сражений, а школьные учителя иногда становились самыми яркими проповедниками национализма⁹. На первый взгляд, этот факт поддерживает ставшее классическим утверждение Оскара Яси (1875–1957) о том, что националисты прилагали гораздо больше усилий для развития национального самосознания у своих сограждан, чем габсбургские чиновники — для воспитания патриотизма и лояльности монархии¹⁰. Однако последние исследования доказывают, что дело обстояло далеко не так. Если в более ранних трудах утверждалось, что поддержка националистов населением была неоспоримой¹¹, то работы П. Джадсона, Т. Зара, Дж. Кинга, С. Мура и других показали, что националистам приходилось прилагать немало стараний, чтобы заслужить доверие соотечественников¹². Так называемая национальная индифферентность была широко распространенным явлением среди габсбургских подданных. Тот факт, что националистические элиты направляли учителей-националистов в сельские школы, отражает их опасения по поводу недостаточной лояльности населения к национальной идее¹³.

⁷ Moore 2020: 157.

⁸ См.: Unowsky 2005.

⁹ Judson 2006: 19–65; Stauter-Halsted 2015: 161–170.

¹⁰ Jászi 1929: 435–439; ср.: Яси 2011: 545–551.

¹¹ Kann 1950: 88–153; Nemes 2005: 185–186; Beller 2007: 177–189.

¹² См.: Judson 2006; Zahra 2008; King 2018; Moore 2020.

¹³ Judson 2006: 42–48.

Несмотря на те важные выводы, к которым пришли историки в первые десятилетия XXI в. в изучении национальных движений в Габсбургской монархии, в их работах практически не рассмотрена реакция австрийских властей на возросшую политизированность и национализм школьных учителей. В этом смысле они соглашались с традиционными представлениями о пассивности монархии перед лицом яростно наступавшего национализма. Исключение составляет недавно вышедшая монография американского историка С. Мура. Автор указал на тот факт, что народы Габсбургской монархии не так страстно поддерживали национальные идеи, как уверялось в историографии XX в., и поэтому у габсбургских чиновников было пространство для формирования и утверждения такой формы идентичности, которая могла бы объединить разнородное население страны¹⁴. Факт активных действий со стороны бюрократии и далеко не пассивной роли государства подтверждают выступления учителей, протестующих против усиления бюрократического контроля и мер по стандартизации учебных планов. Свою критику они выражали на собраниях учительских союзов и на страницах педагогических журналов. В статье анализируется дискурс свободы, который учителя задействовали в рассуждениях о своей роли в австрийском обществе и важности задач воспитания у школьников как национализма, так и патриотизма.

Исследование основано на материалах педагогических журналов и газет, которые являлись печатными органами учительских союзов Цислейтании, отстаивавших интересы учителей. Рост числа таких союзов начался с момента принятия в 1867 г. «Закона о союзах» (*Vereinsgesetz*). Многие из них поначалу охватывали школы только одного района или поселения, хотя в столичных городах земель возникали союзы с названиями, претендующими на представительство всей земли: Верхнеавстрийский учительский союз (1868 г.), Грацский учительский союз (1868 г.), Зальцбургский учительский союз (1868 г.), Каринтийский учительский союз (1868 г.), Учительский союз земли Форарльберг (1870 г.), Штирийский учительский союз (1871 г.), Тирольский земельный учительский союз (1881 г.) и др. В дальнейшем мелкие союзы могли объединяться и действительно представлять уже земельный уровень; также возникла тенденция

---

¹⁴ Moore 2020: 158.

присоединения менее влиятельных союзов к тем, которые имели высокий авторитет. Если в 1860–1870-е годы число членов учительского союза составляло в среднем 100–300 человек, то к рубежу XIX–XX вв. оно часто превышало 1000 человек. Например, в состав зонтичного Немецкого-австрийского учительского союза входило 20 тыс. педагогов¹⁵. Каждый союз имел собственный печатный орган, годы выпусков которого соответствуют периоду существования союза.

К рубежу XIX–XX вв. многие из учительских союзов приобрели явную политическую окраску и отражали весь спектр политических взглядов школьных преподавателей. При этом их объединяло общее убеждение в том, что учителя представляют собой культурный и профессиональный класс, который заслуживает уважаемое место в обществе¹⁶. Авторами статей и редакционных заметок являлись сами учителя, которые комментировали современные им дебаты о роли педагога в обществе и изменениях, происходивших в школах. Такие сведения трудно получить из других источников, поскольку в мемуарах и дневниках, как правило, уделяется весьма скудное место размышлениям о школьной жизни, а официальные личные и дисциплинарные дела чаще всего уничтожались, если в них больше не было необходимости¹⁷. В этой связи педагогические журналы и газеты выступают важным источником для изучения дебатов, развернувшихся вокруг школьного вопроса. На их страницах в период дуалистической монархии слово «свобода» появлялось в различных комбинациях и в разных смыслах, как «свобода для», так и «свобода от».

Свобода личная и гражданские свободы

С переходом школьного образования из-под контроля церкви в руки государства произошли изменения в традиционных общественных структурах, поскольку светские учителя стали брать на себя те образовательные функции, которые ранее выполняли приходские священники¹⁸. Европейские либеральные теории об образовании рассматривали учителей как общественных лидеров, распространителей

¹⁵ Engelbrecht 1986: 73–85.

¹⁶ Jarausch 1986: 237; Urban 2000: 258–275.

¹⁷ Deak 2015: 6–7.

¹⁸ Stauter-Halsted 2015: 143–151.

современных идей и борцов с отсталостью¹⁹. Теоретики педагогики полностью поддерживали такое расширенное представление о роли учителей, утверждая, что они являются созидателями «народного блага»²⁰. В сельской местности на учителей смотрели как на местных интеллектуалов и просветителей всего населения. Во многих отношениях учителя, особенно те, которые преподавали в гимназиях и реальных школах, выступали «эmissарями модерности» в своих муниципалитетах²¹. Они читали публичные лекции о здоровье, воспитании достигших половой зрелости детей, современных методах ведения сельского хозяйства и т. п.

С ростом роли учителей в обществе повысился уровень требований и ожиданий от них со стороны местного населения, школьной администрации и теоретиков педагогики. По общепринятому мнению, учитель должен был воплощать собой идеал нравственности, образованности и правильных политических убеждений. В каждом крупном педагогическом журнале печатались статьи, в которых обсуждалась обязанность учителей служить примером для подражания. В частности, *Pädagogische Rundschau* («Педагогическое обозрение») отметила, что учителя находятся «в стеклянном доме» и все общество наблюдает за их поведением, а ученики берут с них пример²². В Черновицком округе в 1884 г. была специально созвана конференция, посвященная вопросу о том, каким должен быть учитель, чтобы он мог выполнять свои профессиональные обязанности. С докладами выступили директора школ. Теодор Левчук, в частности, потребовал от учителей «доброго и твердого характера, присутствия духа, умения завоевать любовь и доверие учеников, бодрости, веселого настроения и участия в молодежных играх». Михаил Граматович заявил, что учитель, помимо прочего, должен иметь «хорошее, безошибочное произношение», «хорошее, крепкое здоровье», «нормальное телосложение без заметных дефектов и недугов», отличаться усердием, прилежанием, порядочностью, скромностью и жизнерадостностью. Георг Кирилович рекомендовал учителям «соблюдать порядок и чистоту, простоту

¹⁹ Gemie 2000: 229; Coolahan 2001: 342.

²⁰ Mühlfeith H. Der Lehrer als Förderer des Volkswohles // Pädagogische Zeitschrift, Organ des Steiermarkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 30. 31. Oktober 1881. S. [1]–[4].

²¹ Moore 2020: 160.

²² Wodurch ehren wir Lehrer unsern Stand? // Pädagogische Rundschau: Zeitschrift für Schulpraxis und Lehrerfortbildung. Heft 10. 1. Oktober 1887. S. [1]–[9]. S. [1].

в одежде, умеренность в дозволенных удовольствиях, свободу от всех страстей и естественный образ жизни». Все сходились в том, что учителя не должны рассматривать преподавание просто как профессию, но учить и воспитывать «с терпением, любовью и доброжелательностью», чтобы «сделать человечество счастливым»²³.

Нетрудно представить, что многие учителя страдали от таких высоких ожиданий, жалуясь на то, что живут в «аквариуме», где их окружение и начальство тщательно следят за их действиями и поведением как в классе, так и за его пределами²⁴. При приеме на работу к их физическим и интеллектуальным данным, морально-этическому поведению, политическим и национальным убеждениям проявлялся повышенный интерес, который учителя воспринимали как нарушение личной свободы.

Между моральным обликом, этическим поведением и патриотизмом учителя устанавливалась прямая связь. Изначально одной из важнейших обязанностей светского учителя признавалось пробуждение в сердцах молодежи «любви к правящей династии и дорогому Отечеству», воспитание «верных сыновей Отечества»²⁵. В бюрократическом духе габсбургской администрации была создана сложная система контроля, чтобы учителя и школы оставались лояльными и придерживались правильных политических взглядов. Венское Министерство культов и просвещения²⁶ не занималось непосредствен-

²³ *Flasch A.* Aus den Protokollen der Bezirkslehrerconferenzen im Jahre 1884 // Bukowiner Pädagogische Blätter. Organ des Bukowiner Landes-Lehrervereines. Nr. 4. April 1885. S. 41.

²⁴ Stauter-Halsted 2015: 163–164.

²⁵ *Frank J.* Einzelne Züge aus dem Leben und Wirken der Habsburgischen und Habsburg-Lothringischen Herrscher // Jahresbericht über das k. k. akademische Gymnasium in Wien während des Schuljahres 1853–54. Wien: Druck von Carl Gerold und Sohn., 1854. S. 3.

²⁶ В отечественной историографии не сложилось единого названия для созданного в 1848 г. министерства, занимавшегося вопросами образования, а с 1849 г. еще и делами религиозных общин (немецкое название: *Ministerium für Cultus und Unterricht*, с 1903/1904 учебного года *Ministerium für Kultus und Unterricht*). Встречаются варианты: Министерство культа и народного просвещения ([Рихтер] 1901), Министерство просвещения и исповеданий ([Водовозов] 1901), Министерство просвещения и религиозных культов (Кузьмин 1971: 93), Министерство религии и обучения (Козн 1995: 169–170), Министерство просвещения и вероисповеданий и Министерство исповедания и народного просвещения (в одной и той же работе: Семенов 2016: 161) и др. Представляется, что наиболее адекватным в случае данного ведомства будет переводкалька — Министерство культов и просвещения, поскольку он наиболее корректно

но вопросами найма и увольнения учителей, но сосредоточило внимание на приеме и продвижении по службе лояльных школьных администраторов. Список документов, которые должен был представить кандидат на пост директора школы и окружного школьного инспектора, включал длинные, обдуманно заверенные о моральном облике и политических взглядах, подчеркивал их «решительную преданность монархии и династии»²⁷. Такие характеристики серьезно оценивались и демонстрировали очевидное стремление назначать не просто лояльных администраторов, но таких, которые смогли бы прочно утвердить лояльность и патриотизм в школьной среде²⁸. Замечания об успешной деятельности по патриотическому воспитанию школьной молодежи являлись неотъемлемым элементом представлений к гражданским государственным наградам, высшей из которых был Золотой крест за заслуги с короной²⁹.

Школьные директора и инспекторы, в свою очередь, проявляли повышенное внимание к политическим убеждениям кандидатов на должность школьного учителя. Прежде всего они должны были удостовериться в том, что кандидат лоялен династии и государству и не имеет неблагонадежных связей. Они считали, что крайние политические убеждения, мотивированные национализмом или другими факторами, особенно те, которые приводят к нарушению общественного порядка, противоречат установкам о роли учителя в обществе³⁰. В заявлениях о приеме на школьную должность содержался раздел для личных и профессиональных рекомендаций, в котором комментировались моральные качества кандидатов в учителя, и любой этический недостаток ставил под угрозу возможность трудоустройства и продвижения по службе³¹.

отражает деятельность ведомства, первые три отдела которого занимались религиозными вопросами, а остальные (их число увеличилось с 12 до 18 к 1918 г.) — вопросами образования разных ступеней. Важно сохранить слово «культы», которое присутствовало в названии министерства на всех других официальных языках Габсбургской монархии (например: чешск. *Ministerstvo kultu a vyučování*).

²⁷ Moore 2020: 179.

²⁸ Ibidem.

²⁹ См., например: AT-OeStA/AVA. Unterricht Allgemein (1848–1940). Lehrmittel 1848–1895. Ktn. 557. Sign. 2G. Z. 29319. Bericht des K. k. Landesschulrathes für Böhmen dato 24. Jänner 1883.

³⁰ Moore 2020: 180–181.

³¹ Moore 2020: 163.

В свою очередь, многие учителя и учительские союзы были глубоко возмущены попытками регулировать и контролировать их личную жизнь и политические убеждения. Они считали это превышением полномочий администрации и вопиющим нарушением гражданских свобод. Педагогические журналы, отражавшие взгляды разных политических и национальных союзов, публиковали статьи, осуждающие эти меры. В частности, довольно пафосно свой протест выражала газета *Freie pädagogische Blätter* («Свободные педагогические листки»):

И вот мы, любящие свободу и свой народ, мечемся от иллюзии к надежде, от надежды к иллюзии; сегодня нас восхваляют как просветителей народа, завтра всенародно проклинают как антихристов и атеистов, сегодня уважают и превозносят как патриотов из-за наших политических убеждений, завтра клеймят как бесчестных предателей, которым за эти убеждения грозит тюрьма и цепи³².

Социал-демократический педагогический журнал *Freie Lehrerstimme* («Голос свободного учителя») призывал учителей писать петиции правительству, его авторы отвергали идею о том, что учителя должны быть аполитичными, как государственные чиновники, чья роль слуг государства отодвигала личные принципы на второй план³³. Представители учительских союзов считали, что политически активные учителя приносят пользу своему сообществу и профессии и служат примером активной гражданской позиции, необходимой в конституционном государстве.

Свобода профессиональная

Еще больше, чем политическая активность и чрезмерно националистические настроения, министерских чиновников беспокоил слабый уровень подготовки учителей и недостаточность знаний для выполнения ими прямых профессиональных обязанностей. В последней четверти XIX в. Министерство культов и просвещения провело серию крупных реформ, в надежде улучшить качество подготовки учителей. В 1867 г. оно разработало амбициозный план по пересмотру

---

³² Die Volksschule und die Lehrer // *Freie pädagogische Blätter*. Nr. 44. 4. November 1871. S. 666.

³³ Moore 2020: 183.

учебных программ педагогических училищ, в котором усиливалось преподавание истории, географии, естественных наук и педагогики³⁴. По всей Цислейтании университеты стали предлагать лекции для повышения квалификации учителей, а администрации школ стали выделять больше средств на то, чтобы учителя имели возможность их посещать.

Желание создать политически нейтральную атмосферу в школьных классах шло рука об руку с более широкой попыткой обеспечить следование единому учебному плану, чтобы школьники получали одинаковые знания и навыки, независимо от месторасположения школы и национальности учеников. С этой целью школьным инспекторам поручалось посещать каждый класс каждой школы не реже одного раза в год и следить за тем, чтобы учителя внимательно выполняли предписанный учебный план. Во многих школьных округах учителей просили предоставлять инспекторам краткие письменные отчеты о том, как они следуют учебной программе и с какими трудностями столкнулись при выполнении поставленных задач. Инспекторы анализировали эти отчеты и писали собственные, которые отправлялись в земельный школьный совет, составлявший затем главный отчет для Министерства культов и просвещения. Министерские чиновники, по крайней мере в отношении начального образования, стремились свести к минимуму различия между отдельными школами. Они давали конкретные рекомендации относительно того, какие темы и когда следует преподавать, вплоть до указания, в какое время школьного дня это следует делать³⁵.

Таким образом, министерские чиновники и школьная инспекция стремились максимально использовать доступные им инструменты для контроля образовательного процесса и качества предоставляемого образования, в то время как учителя находили такие меры ограничивающими их профессиональную свободу, усиление надзора вызывало у них раздражение и протест. Независимо от политической и национальной принадлежности, союзы учителей и их журналы ожесточались против «бюрократизации» школьного управления. В статьях, критикующих централизованный учебный план, чаще

---

³⁴ Moore 2020: 184.

³⁵ Major. Über Lehrpläne // Pädagogische Rundschau: Zeitschrift für Schulpraxis und Lehrerfortbildung. Heft 5. 1. Mai 1897. S. [1]–[4]. S. [2].

всего утверждалось, что он ограничивает возможность учителей подстраиваться под потребности учащихся:

Все школы, будь то в столице или деревне, в Альпах или на равнине, в славянских или немецких провинциях, для крестьянского или торгового населения, в винодельческом или промышленном регионе, все они устроены по одному образцу, без всякого учета потребностей населения. Действительно, его нужды полностью проигнорированы как нечто совершенно лишнее, как нечто совершенно неважное! Во главе угла были, и, к сожалению, остаются до сих пор, одна и та же цель обучения, одна и та же организация учебного процесса, одни и те же учебные материалы, одни и те же учебники!³⁶

Союз *Die freie Schule* («Свободная школа»), представлявший группу независимых столичных школ, которые имели бóльшую автономию, чем финансируемые государством школы, выступил против попыток «загнать» всех в единую форму. На страницах его печатного органа (носившего то же название — *Die freie Schule*) звучали требования свободы для школ в распределении поурочных материалов, постановке целей образования в зависимости от потребностей отдельных классов, а также требование ввести «либеральное, целесообразное школьное законодательство, которое бы юридически защищало учителя как личность»³⁷. Политически нейтральный журнал *Pädagogische Rundschau* соглашался с тем, что чему и как учить, должны были решать учителя, а не министерские чиновники, и ставил под сомнение ценность централизованных планов, написанных «бюрократами»:

Кто должен разрабатывать учебные планы? В Австрии существует мнение, что эту работу должны выполнять те, кто сидит за зеленым столом, — бюрократы. В результате этого мнения мы имеем так называемые официальные учебные планы — яйца, снесенные этими самыми бюрократами. Бюрократ очень мало знает о школах, обычно он знаком с ними только понаслышке. Или он знает школы, то есть воображает, будто знает их, потому что много лет назад, будучи маленьким мальчиком, он сам ходил в школу, видел учителя, парту, столы, скамейки, чернилницы, карту и несколько детей. Этого ему

³⁶ Rot F. Landwirtschaft und Volksschule // Die freie Schule. Zeitschrift für Unterricht und Erziehung. Nr 7. 11. Februar 1868. S. [3]–[5]. S. [3].

³⁷ Was wir wollen // Die freie Schule. Zeitschrift für Unterricht und Erziehung. № 1–3. Dezember 1867. S. [1]–[3].

достаточно, в своих собственных глазах он знаток школьных пред-метов, а учебные планы — ха, он просто вытряхивает их из рукава!³⁸

Штирийский учительский союз поддержал эти взгляды, заявляя, что не существует одной «лучшей методики» для всех тем, а учебные планы должны быть «приспособлены к школе, как хорошая одежда»³⁹. Централизация учебных планов подавляла возможности инноваций в стенах классной комнаты и не позволяла учителям проявлять на занятиях свою личность и индивидуальность⁴⁰. Автор статьи «Об учебных планах» в *Pädagogische Rundschau* подытожил общее мнение, заявив, что «все навязанные учителям» учебные планы должны быть отменены и что в этом отношении учитель «тоже должен стать свободным человеком»⁴¹:

Бюрократы, составляющие в своих кабинетах учебные планы для школ, которых они никогда не видели, находятся на волосок от гибели, как достопочтенный Гофкригсрат, составляющий планы сражений, происходящих за 100 миль от него. Почему принц Евгений выиграл битву при Зенте? Потому что он атаковал по собственному плану, составленному на месте, видя противника и с точным учетом всех местных условий, и проигнорировал план, присланный ему Гофкригсратом из Вены⁴².

Критика на страницах педагогических журналов также отражала обиду учителей, считавших, что министерство и школьные советы своим контролем ставят под сомнение профессионализм и мастерство преподавателей. По мнению многих, попытки диктовать, чему учить и в какое время дня, отражали отсутствие доверия к учителю как профессионалу. Новый виток борьбы за профессиональную свободу вызвал требование проведения очередной школьной реформы. В речи директора школы Э. Мюллера «Педагогическая свобода учителей», опубликованной в *Pädagogische Zeitschrift* («Педагогический журнал») в 1913 г., кратко излагалось то, что большинство учителей

³⁸ Major. Über Lehrpläne. S. [1].

³⁹ Controle. Lehrpläne. Methode // *Pädagogische Zeitschrift*. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 10. 10. April 1874. S. [1]–[4].

⁴⁰ Maigesetze // *Pädagogische Zeitschrift*. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 14. 20. Mai 1874. S. [1]–[3].

⁴¹ Major. Über Lehrpläne. S. [4].

⁴² Ibid. S. [3].

ожидали от школьной реформы: свободы в составлении и реализации учебных планов, свободы в выборе методики преподавания и учебников, а также улучшения условий труда и жизни учителей в целом⁴³.

Любопытно, что в борьбе за профессиональную свободу различные национальные союзы учителей нашли точки соприкосновения. В частности, они совместно выступали за повышение жалования и улучшение условий труда. Так, в 1907 г. учителя «всех семи наций» Цислейтании встретились в Вене, чтобы призвать правительство уравнивать жалование учителей с жалованиями других государственных служащих⁴⁴. Многие преподаватели были убеждены, что единство среди учительских союзов, независимо от национальной принадлежности, создаст общий фронт для борьбы за школьную реформу, повышение заработной платы, большую свободу учителя в классе и изменения в дисциплинарном кодексе.

Свобода в выполнении национальной миссии

Как отмечалось выше, в последней трети XIX в. многие учительские союзы, как и другие профессиональные объединения Австро-Венгрии, обрели ярко выраженный националистический характер. Как показал П. Джадсон, националистические организации придавали огромное значение привлечению учителей с «сильными национальными чувствами» к созданию новых частных национальных школ, которые могли бы «защитить» нацию от предполагаемой угрозы ассимиляции⁴⁵. Для многих учителей в этот период, действительно, преподавание национальной идеи было ключевым компонентом морально-этического воспитания школьной молодежи. Некоторые учителя считали выполнение роли национального педагога важнее других своих обязанностей. Одним из факторов, подогревающих эту тенденцию, стало распространение разного рода теорий о том, что одна нация может вот-вот поглотить другую, навязав ей свой язык и традиции. Например, в 1885 г. общественный обозреватель Эдуард фон Гартман опубликовал противоречивую статью, в которой

⁴³ Müller E. Die pädagogische Freiheit des Lehrers // Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 35. 25. Dezember 1913. S. [1]–[3].

⁴⁴ Ein Kampf ums Leben // Pädagogische Rundschau: Zeitschrift für Schulpraxis und Lehrerfortbildung. Heft 12. 1. Dezember 1907. S. [1]–[10].

⁴⁵ Judson 2006: 19–65; Zahra 2008: 13–79.

утверждал, что в будущем Австро-Венгрия превратится в славянское федеративное государство. В нем сохранятся островки немецкоязычного населения, но славяне станут доминирующей национальной группой. Он даже сделал смелое предположение о том, что в течение XX в. Вена превратится из немецкого города в славянский, как это случилось с Прагой в XIX в.⁴⁶ Гартман считал, что немцы должны подготовиться к грядущим преобразованиям и немедленно начать преподавание славянских языков в немецких школах, чтобы после превращения Австро-Венгрии в славянское государство не чувствовать отчуждения⁴⁷.

Разумеется, статья Гартмана вызвала бурное возмущение даже среди умеренных националистов. В частности, один из видных немецких педагогов Фридрих Диттес (1829–1896) заявил в ответ, что каждая нация имеет право воспитывать своих детей свободными от влияния других наций: учителя должны охранять национальную культуру, «обязаны словами и делами защищать неприкосновенное наследие наших предков», а «немецкие дети не станут славянами, потому что их будут воспитывать немцы и немки»⁴⁸. Другие педагоги поддержали его мнение, заявляя, что ни «устаревшее мышление», ни правительственные чиновники не должны ограничивать учителей в выполнении их обязательств перед своим народом»⁴⁹. Они утверждали, что каждый учитель в Австрии должен носить звание «учителя своего народа» и должен «воспитывать молодежь в духе своих отцов»⁵⁰. Более того, они требовали, чтобы правительство предоставило учителям свободу в выполнении своей национальной миссии.

Министерские же чиновники, напротив, стремились ограничить свободу выполнения «национальной миссии» учителей, считали любую форму национальной агитации подрывной, независимо от того, был ли агитатор немцем, чехом, словенцем или принадлежал к любому другому народу. Министерство и школьные советы принимали

---

⁴⁶ Ein Wort zur Nationalitäten-Frage // Pädagogium — Monatschrift für Erziehung und Unterricht. Bd. 7. 1885. S. 371.

⁴⁷ Ibid. S. 372.

⁴⁸ Ibid. S. 373.

⁴⁹ Russel E. Die Pflichten des deutschen Lehrers gegen seinen Volksstamm // Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz. Nr. 31. 10. November 1897. S. [4].

⁵⁰ Ibid. [3].

меры по коррекции процедуры приема в школы учителей, требуя прикладывать рекомендации для оценки так называемого политического поведения потенциального учителя. Политическое поведение определялось широко, включая участие как в национальных движениях, так и в ненациональных — социалистическом, анархическом и всех прочих, связанных с радикальными идеологиями. Учителю с ярко выраженными социалистическими взглядами с такой же вероятностью могли отказать в приеме на работу, как и яркому националисту⁵¹. Эти ограничения отражали убежденность министерства в том, что учителя являются государственными служащими, которые должны оставаться политически нейтральными.

Любопытно, что, хотя учительские союзы и их печатные органы все сильнее национализировались, они не становились при этом менее патриотично настроенными по отношению к «большому Отечеству» — Габсбургской монархии. Такая позиция свидетельствует о том, что они поддерживали идею многонационального австрийского государства и признавали, что государственный патриотизм должен стоять выше национализма. Подобный взгляд не был особенностью учительских союзов, так как и другие националистические организации часто соревновались в демонстрации своего патриотизма и считали лояльность Австрии вполне совместимой с национальной идеей.

Статьи в педагогической прессе, связанные с вопросами воспитания патриотизма у школьной молодежи, продолжали выходить и вызывали интерес до самого краха монархии. Например, журнал Немецкого педагогического союза Праги признавал, что учителя являются «естественными защитниками нации», но также напоминал своим читателям, что не менее важно, чтобы учителя были стойкими просветителями и «провозвестниками» конституции и с энтузиазмом преподавали историю всей монархии⁵². Немецко-австрийский учительский союз писал, что из-за «искусственно разжигаемой национальной розни и конфессиональных препирательств» «австрийцы» забыли, что у них «общее отечество, корни которого питают их жизненную силу», что они «все дети возлюбленного Отца страны,

⁵¹ Moore 2020: 163.

⁵² *Egermann J.* Die Geschichte in der Volksschule // *Blätter für Erziehung und Unterricht.* 10. April 1872. S. 174.

чье сердце, несомненно, обливается кровью, когда он видит, как его дети, которых он обнимает с любовью, ненавидят друг друга до смерти из-за пустяков»⁵³. В таком мелодраматическом духе союз призывал все национальности Австрии быть патриотами, прекратить «разжигать пламя войны» и выполнять «свой долг по защите прав друг друга»⁵⁴. *Österreichische Rundschau* («Австрийское обозрение») аналогичным образом призывал ставить благо государства на первое место при решении вопросов национального школьного образования⁵⁵.

В 1912 г. консервативный журнал *Österreichische Pädagogische Warte* («Австрийская педагогическая панорама») зашел настолько далеко, что предложил сократить преподавание национальной истории и культуры, чтобы сохранить сплоченность австрийского общества. Один из авторов журнала резюмировал эту идею, написав, что несмотря на его личную любовь к немецкой истории, он, как австриец, должен быть внимателен к «австрийской» истории, то есть преподавать историю чехов, венгров и поляков с таким же энтузиазмом, как он преподает историю альпийских земель⁵⁶. Таким образом, уже в начале 1910-х годов национальные учительские союзы стали выступать за снижение интенсивности националистической риторики в интересах защиты единства и сплоченности австро-венгерского государства.

Свобода от политической ангажированности

Интенсивность баталий на «школьном фронте» и борьбы за свободную школу иногда не имела ничего общего с национализмом. Широкий спектр интересов и взглядов учителей часто делал их оппонентами внутри одной национальной группы. Их разделяла разная политико-партийная ориентация и разные позиции в отношении многих других вопросов. В частности, особую остроту имели дискуссии по поводу роли религии в школах. Нередко педагогические журналы отражали бóльшую озабоченность нападками на либеральную светскую школу, чем вопросами национальности и языка. Эти

---

⁵³ Patriotismus und Kosmopolitismus // Deutsch-österreichisches Lehrer-Zeitung. Organ des Deutsch-österreichisches Lehrerbundes. Nr. 15. 1. August 1901. S. 268.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Moore 2020: 171.

⁵⁶ Moore 2020: 172.

опасения выразил, в частности, член Либерального союза Верхней Австрии А. Гёллерих в речи в честь Дня австрийских учителей в Линце в 1871 г.:

[В] этой империи наибольшую опасность представляет не национальная вражда, как бы сильно ее ни осуждали. <...> Страшный враг, с которым приходится бороться в Австрии, который разжигает огонь национальной розни, отравляет источники знаний и просвещения, мешает народам подняться до осознания своего права, своего долга и своих истинных интересов, — это ультрамонтанство. И поскольку он давно знает, что начальная школа — великая сила, и что в освобожденных от его влияния начальных школах растет враг, который медленно, но верно разрушит опоры его власти, ультрамонтанство яростно выступает против реформы, против освобождения начальных школ, против наших законов о начальной школе⁵⁷.

С усилением клерикальной партии с момента создания коалиции «железного кольца» Эдуарда фон Тааффе (1833–1895) в 1879 г. и появлением массовых правых партий, таких как Христианско-социалистическая партия Карла Люэгера (1844–1910), либеральные и социалистические учительские союзы стали опасаться за будущее либеральной светской школьной системы, созданной в 1870-х годах⁵⁸. По их мнению, попытки заставить замолчать политически активных учителей являлись частью скоординированных усилий консервативных и клерикальных политиков по восстановлению церковного контроля над школами.

В свою очередь, консервативные католические учительские союзы подчеркивали растущую политизированность учителей и публиковали статьи в поддержку активизации усилий по ограничению политической ангажированности школьных преподавателей. Ведущий католический педагогический журнал *Österreichische Pädagogische Warte* сетовал на растущую политизацию школ и критиковал упадок католического, нравственного образования как результат секуляризации, проведенной в результате принятия «Имперского школьного закона» 1868 г. Самым негативным последствием введения этого закона он считал рост политических учительских союзов, которые стали «бессовестно» превращать каждый

⁵⁷ Die Volksschule und die Lehrer. S. 668.

⁵⁸ См.: Jenks 1965; Boyer 1981.

вопрос в политическую битву, нарушая мирную работу школ и развращая как учителей, так и учеников⁵⁹. По мнению *Österreichische Pädagogische Warte*, единственным способом борьбы с проблемами внутри школы была надежная система инспекций, пусть она и ограничивает свободу учителей⁶⁰.

Материалы педагогической прессы подчеркивают резкий разрыв между либеральными и клерикальными учительскими союзами и демонстрируют тот факт, что столкновения между сторонниками политических группировок были такими же ожесточенными, как и конфликты между людьми различных национальностей. *Pädagogische Zeitschrift* жаловался, что «политические партии иногда настолько вовлечены в школьные дела, что это не идет на пользу» и что политические группировки «стремятся использовать школу в целях, чуждых ее реальной задаче»⁶¹. *Freie pädagogische Blätter* уверяла, что «пыль, поднимаемая политической деятельностью партий, не должна проникать в мирную аудиторию» и не дело учителей заниматься политикой⁶². Многие учителя опасались, что политические партии, контролирующие земельные школьные советы, станут использовать школу как инструмент для реализации своих политических планов. Понятие свободы, которой они добивались для школы, включало, в том числе, освобождение от чрезмерного влияния со стороны политических движений любого рода.

Итак, дискурс «свободы», задействованный в риторике габсбургских учительских союзов в период дуалистической монархии, отражал всю сложность национально-политической конфронтации и борьбы за школу, которая характеризовала становление плюралистического политического общества Австро-Венгрии. Можно выделить несколько основных смысловых значений слова «свобода», в которых оно встречалось в педагогической прессе: свобода личная, свободы гражданские, профессиональная свобода, свобода в выполнении национальной миссии, свобода от политической ангажированности.

---

⁵⁹ Moore 2020: 177.

⁶⁰ Moore 2020: 178.

⁶¹ Wie kam der Lehrer auch außer der Schule für die Schule wirken? // *Pädagogische Zeitschrift. Organ des steiermärkischen Lehrerbundes Graz*. Nr. 32. 20. November 1889. S. [1].

⁶² Die Volksschule und die Lehrer. S. 668.

По мере развития системы светского школьного образования школьные учителя оказались в центре общественного внимания и стали объектом усиленного контроля со стороны государства. В глазах общественности школьный учитель выступал в образе просветителя своего народа и должен был являться морально-нравственным идеалом и образцом для подражания. Однако самих учителей часто угнетали предъявляемые к ним высокие требования. Пристальное наблюдение за их поведением, внешним обликом, моральными качествами, уровнем физического и интеллектуального развития они рассматривали как посягательство на их личную свободу.

В последней четверти XIX в. государство усилило надзор за поведением и качеством работы учителей, вводя дисциплинарные предписания, призванные ограничить участие педагогов в политических организациях. Официальной целью введения таких ограничений было закрепление статуса учителей как политически нейтральных государственных бюрократов. Чиновники были обеспокоены ростом социалистических и крайних националистических настроений среди школьных педагогов и не желали, чтобы они использовали классную комнату как площадку для распространения своих взглядов. А преподавателей возмущало введение законодательных и дисциплинарных ограничений, они видели в этом ограничение гражданских свобод. Многие из них разделяли точку зрения о том, что учителя должны быть активными политическими участниками в своем обществе, иначе не смогут стать примерами подлинного патриотизма. Если Австрия стремилась стать конституционным государством с активными гражданами, то школьные учителя должны были в первую очередь показать пример гражданской и политической активности.

Кроме того, многие учителя считали, что основной целью школьного обучения является формирование у учеников устойчивой национальной лояльности. Однако ее чрезмерное развитие в конечном итоге ставило под угрозу лояльность более обширной многонациональной Габсбургской монархии и самоидентификации с общим габсбургским Отечеством. Вопреки сложившемуся в историографии убеждению, габсбургские чиновники не сидели сложа руки перед лицом националистических вызовов. Школьная администрация на всех уровнях тратила немало сил на то, чтобы учителя выполняли роль защитников монархии. Министерство культов и просвещения и земельные школьные советы скорректировали процедуру приема

на должность школьного преподавателя в попытке уменьшить националистическую активность учителей в классе и в обществе. За этим последовала буря возмущения в педагогической прессе, требовавшей свободы для учителей в выполнении национальной миссии — прививать детям любовь к своей нации и языку.

Габсбургские чиновники были далеко не пассивными и усилили контроль и проверку учителей в период дуализма, проводя регулярные инспекции школ. Инспекция была обычным явлением в системе государственного образования во всех европейских странах, решая задачу повышения качества работы учителей в школах. Габсбургские школьные инспекторы также стремились максимально использовать имеющиеся в их распоряжении инструменты для надзора, в то время как учителя находили такие усилия ограничивающими их профессиональную свободу, свободу преподавания и приводящими к напряженным отношениям между учителем и школьной администрацией.

По мере того, как политическая культура Цислейтании становилась все более многообразной, усилилось присутствие и влияние партийно-политических организаций в школьных делах. В конечном итоге учителя начали высказывать опасения, что политические партии станут использовать сферу образования в своих целях в ущерб интересам самой школы. В печатных органах учительских союзов появились призывы снизить степень политической ангажированности преподавателей и школьных администраторов и освободить школу от чрезмерной вовлеченности в политическую борьбу.

Таким образом, изучение дискурса свободы на страницах габсбургской педагогической прессы периода дуализма дает возможность проследить представления школьных учителей о своей роли в обществе и государстве, а также позволяет пересмотреть оценки «пассивности» габсбургских чиновников в отношении вопроса патриотического воспитания школьной молодежи и формирования лояльности к правящей династии и общему Отечеству.

Список сокращений

AVA — Allgemeines Verwaltungsarchiv
AT-OeStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

Литература

- Бут 2022a — *Бут Ю.Е.* Безупречный монарх: образ Франца Иосифа I в учебниках для габсбургских школ // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 135–163. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.6.
- Бут 2022b — *Бут Ю.Е.* Династическая мифология Габсбургов в школьной программе XIX в. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 162–186.
- Бут, Баченина 2022 — *Бут Ю.Е., Баченина В.В.* Воспитатели нации: Вильгельм фон Гизебрехт и Антонин Гиндели // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* Екатеринбург: Издательский отдел УрГПУ, 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 93–110.
- [Водовозов] 1901 — *Водовозов В.В.* Тун и Гогенштейн // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 полутомах. С.-Петербург, 1890–1907. Т. XXXIV (1901): Трумп — Углеродистый кальций. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тун-Гогенштейн,_Леопольд-Лео (дата обращения: 02.06.2024).
- Комлева 2014 — *Комлева Ю.Е.* Габсбургская школьная политика как способ формирования общегосударственной идентичности в Австро-Венгрии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1(124). С. 106–125.
- Комлева 2015 — *Комлева Ю.Е.* Изъяны габсбургской политики идентичности: «книги для чтения» в италоязычных школах Триеста // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1(136). С. 144–156.
- Коэн 1995 — *Коэн Г.* Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX — начале XX вв. / перев. с англ. М.А. Бобрович) // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства / отв. ред. Т.М. Исламов, А.И. Миллер. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 155–199.
- Кузьмин 1971 — *Кузьмин М.Н.* Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX века). Москва: Издательство «Наука», 1971. 261 с.
- [Рихтер] 1901 — *Рихтер Д.И.* Австро-Венгерская империя // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 полутомах. С.-Петербург, 1890–1907. Доп. т. I: Аа — Вяхирь, 1901. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Австро-Венгерская_империя (дата обращения: 02.06.2024).
- Семенов 2016 — *Семенов М.Ю.* Исторический опыт организации народного просвещения в Австро-Венгрии и России в конце XIX — начале XX века (на примере Народного университета в Вене и Воронежского общества

- народных университетов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1(63). С. 159–164.
- Яси 2011 — Яси О. Распад Габсбургской монархии / пер. с англ. О. А. Якименко, А. Г. Айрапетов. М.: Три квадрата, 2011. 608 с.
- Almasy 2019 — *Almasy K.* Setting the canon, translating the canon. Translations in Slovene school readers and translation policy within the school system of the Habsburg monarchy (1848–1918) // *Chronotopos: A Journal of Translation History*. 2019. № 2. P. 43–62.
- Beller 2007 — *Beller S.* A Concise History of Austria. New York: Cambridge University Press, 2007. 334 p.
- Boyer 1981 — *Boyer J. W.* Political Radicalism in Late Imperial Vienna: Origins of the Christian Social Movement, 1848–1897. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 598 p.
- Bruckmüller 2007 — *Bruckmüller E.* Patriotic and national myths: National consciousness and elementary school education in imperial Austria // *The Limits of Loyalty: Imperial Symbolism, Popular Allegiances, and State Patriotism in the Late Habsburg Monarchy* / ed. by L. Cole, D. L. Unowsky. New York: Berghahn Books, 2007. P. 12–29.
- Burger 1995 — *Burger H.* Sprachenrecht und Sprachengerechtigkeit im Österreichischen Unterrichtswesen, 1867–1918. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. 284 S.
- But 2022 — *But Yu.* The Austro-Sardinian war (1859) and the Seven Weeks' war (1866) in Habsburg schoolbooks // *Hungarian Historical Review*. 2022. Vol. 11. № 1. P. 44–70.
- Cole 2014 — *Cole L.* Military culture and popular patriotism in late imperial Austria. Oxford: Oxford University Press, 2014. 356 p.
- Coolahan 2001 — *Coolahan J.* Teacher education in Ireland and Western Europe: A comparative analysis // *Irish Educational Studies*. 2001. № 20(1). P. 335–368.
- Cvrček 2020 — *Cvrček T.* Schooling under Control: The Origins of Public Education in Imperial Austria 1769–1869. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020. 312 p.
- Deak 2015 — *Deak J.* Forging a multinational state: State making in imperial Austria from the Enlightenment to the First World War. Stanford: Stanford University Press, 2015. 373 p.
- Engelbrecht 1986 — *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens: Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1986. Bd. 4. Von 1848 bis zum Ende der Monarchie. 644 S.
- Gemie 2000 — *Gemie S.* What is a school? Defining and controlling primary schooling in early nineteenth-century France // *History of Education*. 2000. № 21(2). P. 129–147.

- Hofeneder, Surman 2018 – *Hofeneder P., Surman J.* Wissen übersetzen: Schulbücher in der Habsburgermonarchie als Gegenstand translationswissenschaftlicher Forschung // Lehrbücher für den Geschichtsunterricht in Galizien / hrsg. von B. Dybaś, I. Kałolewski. Wien: Polnische Akademie der Wissenschaften, Wissenschaftliches Zentrum in Wien, 2018. S. 142–159.
- Jarausch 1986 – *Jarausch K.* The Old ‘New History of Education’: A German Reconsideration // *History of Education Quarterly*. 1986. No. 26(2). P. 225–241.
- Jászi 1929 – *Jászi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago: The University of Chicago Press, 1929. 496 p.
- Jenks 1965 – *Jenks W.A.* Austrian Under the Iron Ring: 1879–1893. Charlottesville: University of Virginia Press, 1965. 332 p.
- Judson 2006 – *Judson P.M.* Guardians of the Nation: Activists on the Language Frontiers of Imperial Austria. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 313 p.
- Kann 1950 – *Kann R.A.* The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848–1914. New York: Columbia University Press, 1950. Vol. 2. xiv+423 p.
- King 2018 – *King J.* *Budweisers into Czechs and Germans: A local history of Bohemian politics, 1848–1948.* Princeton: Princeton University Press, 2002. 284 p.
- Moore 2019 – *Moore S.O.* The professionalisation of teaching: teacher training and education reform in Austria, 1867–1914 // *History of Education*. 2019. Vol. 48. No. 3. P. 336–355.
- Moore 2020 – *Moore S.O.* Teaching the empire: Education and state loyalty in late Habsburg Austria. West Lafayette: Purdue University Press, 2020. 294 p.
- Nemes 2005 – *Nemes R.* Once and future Budapest. DeKalb: Northern Illinois University, 2005. 247 p.
- Olechowski 2011 – *Olechowski T.* Die behördliche Einstellung der “Pädagogischen Blätter” 1936. Schulpolitik, Presserecht und Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Zeit des Autoritären Ständestaates // *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs*. 2011. Bd. 2. S. 253–274.
- Puttkamer 2003 – *Puttkamer J., von.* Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914. München: R. Oldenbourg Verlag, 2003. 531 S.
- Puttkamer 2008 – *Puttkamer J., von.* Framework of modernization: Government legislation and regulations on schooling in Transylvania 1780–1914 // *Cultural dimensions of elite formation in Transylvania (1770–1950)* / ed. by V. Karády, B. Z. Török. Cluj-Napoca: Ethnocultural Diversity Resource Centre, 2008. P. 15–23.
- Stauter-Halsted 2015 – *Stauter-Halsted K.* The nation in the village: The genesis of peasant national identity in Austrian Poland, 1848–1914. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 288 p.

- Unowsky 2005 — *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette: Purdue University Press, 2005. xiii+263 p.
- Urban 2000 — *Urban W. J.* Organized teachers and educational reform during the progressive era: 1890–1920 // *History of Education*. 2000. № 21(3). P. 258–275.
- Weber 2010 — *Weber C.* Camillo Cavour in den Schulbüchern des liberalen Italiens: nationale Selbstdarstellung im Geschichtsunterricht zwischen Risorgimento und Faschismus. Frankfurt am Main: Lang, 2010. 427 S.
- Zahra 2008 — *Zahra T.* Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian Lands, 1900–1948. Ithaca: Cornell University Press, 2008. 279 p.

References

- Almasy, K., 2019. Setting the canon, translating the canon. Translations in Slovene school readers and translation policy within the school system of the Habsburg monarchy (1848–1918). *Chronotopos: A Journal of Translation History*, 2, pp. 43–62.
- Beller, S., 2007. *A concise history of Austria*. New York: Cambridge University Press, 334 p.
- Boyer, J. W., 1981. *Political radicalism in late imperial Vienna: Origins of the Christian Social movement, 1848–1897*. Chicago: University of Chicago Press, 598 p.
- Bruckmüller, E., 2007. Patriotic and national myths: National consciousness and elementary school education in imperial Austria. In: Cole, L., Unowsky, D. L., eds. *The limits of loyalty: imperial symbolism, popular allegiances, and state patriotism in the late Habsburg Monarchy*. New York: Berghahn Books, pp. 12–29.
- Burger, Y., 1995. *Sprachenrecht und Sprachengerechtigkeit im Österreichischen Unterrichtsweisen, 1867–1918*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 284 p.
- But, Ju.E., 2022 Bezuprechnyi monarkh: obraz Frantsa Iosifa I v uchebnikakh dlia gabsburgskikh shkol [A Perfect Monarch: The Image of Francis Joseph I in textbooks for Habsburg Schools]. *Tsentrāl'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Historia, pp. 135–163. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.6. (in Rus.)
- But, Ju.E., 2022. Dinasticheskaia mifologiiia Gabsburgov v shkol'noi programme XIX v. [The dynastic mythology of Habsburgs in the school curriculum of the nineteenth century]. In: *Imagines mundi: al'manakh issledovaniia vseobshchei istorii 16–20 vv.*, 1(12). Ekaterinburg: Izdatel'skii otdel UrGPU, pp. 162–186. (in Rus.)
- But, Ju.E., Bachenina V.V., 2022. Vospitateli natsii: Wilhelm von Gisebrecht i Antonin Gindey [Educators of a Nation: Wilhelm von Gisebrecht and Antonin Gindey]. In: *Imagines mundi: al'manakh issledovaniia vseobshchei*

- istorii 16–20 vv.*, 1(12). Ekaterinburg: Izdatel'skii otdel UrGPU, pp. 93–110. (in Rus.)
- But, Ju., 2022. The Austro-Sardinian war (1859) and the Seven Weeks' war (1866) in Habsburg Schoolbooks. *Hungarian Historical Review*, 11, 1, pp. 44–70.
- Cohen, G., 1995. Politika v oblasti vysshego i srednego obrazovaniia v Avstrii v kontse 19 – nachale 20 vv. [Policy in the field of higher and secondary education in Austria in the late nineteenth and early twentieth centuries]; translated from English by M. A. Bobrovich. In: Islamov, T. M., Miller A. I., eds. *Avstro-Vengriia: opyt mnogonatsional'nogo gosudarstva* [Austria-Hungary: An experiment in national state]. Moskva: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, pp. 155–199. (in Rus.)
- Cole, L., 2014. *Military culture and popular patriotism in late imperial Austria*. Oxford: Oxford University Press, 356 p.
- Coolahan, J., 2001. Teacher education in Ireland and Western Europe: A comparative analysis. *Irish Educational Studies*, 20(1), pp. 335–368.
- Cvrček, T., 2020. *Schooling under control: The origins of public education in imperial Austria 1769–1869*. Tübingen: Mohr Siebeck, 312 p.
- Deak, J., 2015. *Forging a multinational state: State making in imperial Austria from the Enlightenment to the First World War*. Stanford: Stanford University Press, 373 p.
- Engelbrecht, H., 1986. *Geschichte des österreichischen Bildungswesens: Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs, 4, Von 1848 bis zum Ende der Monarchie*. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 644 p.
- Gemie, S., 2000. What is a school? Defining and controlling primary schooling in early nineteenth-century France. *History of Education*, 21(2), pp. 129–147.
- Iasi [Jászi], O., 2011. *Raspad Gabsburgskoi monarkhii* [The dissolution of the Habsburg Monarchy]. Moscow: Tri kvadrata, 608 p. (in Rus.)
- Hofeneder, P., Surman J., 2018. Wissen übersetzen: Schulbücher in der Habsburgermonarchie als Gegenstand translationswissenschaftlicher Forschung. In: Dybaś B., Kałolewski I., eds. *Lehrbücher für den Geschichtsunterricht in Galizien*. Wien: Polnische Akademie der Wissenschaften, Wissenschaftliches Zentrum in Wien, pp. 142–159.
- Jarusch, K., 1986. The old 'New History of Education': A German reconsideration. *History of Education Quarterly*, 26(2), pp. 225–24.
- Jási, O., 1929. *The Dissolution of the Habsburg Monarchy*. Chicago: The University of Chicago Press, 496 p.
- Jenks, W. A., 1965. *Austrian under the Iron Ring: 1879–1893*. Charlottesville: University of Virginia Press, 332 p.
- Judson, P. M., 2006. *Guardians of the nation: Activists on the language frontiers of imperial Austria*. Cambridge: Harvard University Press, 313 p.
- Kann, R. A., 1950. *The Multinational empire: Nationalism and national reform in the Habsburg Monarchy, 1848–1914, 2*. New York: Columbia University Press, xiv+423 p.

- King, J., 2018. *Budweisers into Czechs and Germans: A local history of Bohemian politics, 1848–1948*. Princeton: Princeton University Press, 284 p.
- Komleva, Ju.E., 2014. Gabsburgskaia shkol'naia politika kak sposob formirovaniia obshchegosudarstvennoi identichnosti v Avstro-Vengrii [Habsburg school policy as a means of national identity making in Austria-Hungary]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 1(124), pp. 106–125. (in Rus.)
- Komleva, Ju.E., 2015. Iz'iany gabsburgskoi politiki identichnosti: “knigi dlia chteniia” v italoiazыchnykh shkolakh Triesta [The flaws of the Habsburg identity policy: Books for reading in Italian-language schools of Trieste]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 1(136), pp. 144–156. (in Rus.)
- Kuzmin, M.N., 1971. *Shkola i obrazovanie v Chekhoslovakii (konets XVIII – 30-e gody XX veka)* [School and education in Czechoslovakia (from the late eighteenth century to the 1930s)]. Moskva: Nauka, 261 p. (in Rus.)
- Moore, S. O., 2019. The professionalisation of teaching: teacher training and education reform in Austria, 1867–1914. *History of Education*, 48(3), pp. 336–355.
- Moore, S. O., 2020. *Teaching the empire: Education and state loyalty in late Habsburg Austria*. West Lafayette: Purdue University Press, 294 p.
- Nemes, R., 2005. *Once and future Budapest*. DeKalb: Northern Illinois University, 247 p.
- Olechowski, T., 2011 Die behördliche Einstellung der „Pädagogischen Blätter“ 1936. Schulpolitik, Presserecht und Verwaltungsgerichtsbarkeit in der Zeit des Autoritären Ständestaates. *Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs*, 2, pp. 253–274.
- Puttkamer, J., von., 2003. *Schulalltag und nationale Integration in Ungarn: Slowaken, Rumänen und Siebenbürger Sachsen in der Auseinandersetzung mit der ungarischen Staatsidee 1867–1914*. München: R. Oldenbourg Verlag, 531 p.
- Puttkamer, J., 2008. Framework of modernization: Government legislation and regulations on schooling in Transylvania 1780–1914. In: Karády, V., Török, B. Z. eds. *Cultural dimensions of elite formation in Transylvania (1770–1950)*. Cluj: Ethnocultural Diversity Resource Centre, pp. 15–23.
- [Rikhter, D.I.], 1901. Avstro-Vengerskaia imperiia [Austro-Hungarian Empire]. In: *Entsiklopedicheskiĭ Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona*. S.-Peterburg, 1: Aa – Viakhir. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Австро-Венгерская_империя (accessed: 02.06.2024). (in Rus.)
- Semenov, M.Iu., 2016. Istoricheskii opyt organizatsii narodnogo prosveshcheniia v Avstro-Vengrii i Rossii v kontse XIX – nachale XX veka (na primere Narodnogo universiteta v Vene i Voronezhskogo obshchestva narodnykh universitetov) [Historical experience of organising public education in Austria-Hungary and Russia in the late nineteenth – early twentieth century (case of the People's University in Vienna and Voronezh Society of People's Universities)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 1(63), pp. 159–164. (in Rus.)

- Stauter-Halsted, K., 2015. *The nation in the village: The genesis of peasant national identity in Austrian Poland, 1848–1914*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 288 p.
- [Vodovozov, V.V.], 1901. Tun-Gogenstein [Thun-Hohenstein]. In: *Entsiklopedicheskii Slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [The encyclopaedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. St. Peterburg, XXXIV: Trump — Uglerodisty kal'tsii. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Тун-Гогенштейн,_Леопольд-Лео (accessed: 02.06.2024). (in Rus.)
- Unowsky, D. L., 2005. *The pomp and politics of patriotism: Imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette: Purdue University Press, xiii+263 p.
- Urban, W., 2000. Organized teachers and educational reform during the Progressive Era: 1890–1920. *History of Education*, 21(3), pp. 258–275.
- Weber, C., 2010. *Camillo Cavour in den Schulbüchern des liberalen Italiens: nationale Selbstdarstellung im Geschichtsunterricht zwischen Risorgimento und Faschismus*. Frankfurt am Main: Lang, 427 p.
- Zahra, T., 2008. *Kidnapped souls: National indifference and the battle for children in the Bohemian Lands, 1900–1948*. Ithaca: Cornell University Press, 279 p.

Julija Ye. But

PhD, Associate Professor, Department “History Faculty”, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. 620075, Prospekt Lenina, 51. E-mail: j.e.komleva@urfu.ru

The Discourse of Freedom in the Austrian Pedagogical Press of 1867–1914 as a Tool of Protest against Public Control

Ever since their emergence, state systems of secular schooling have been regularly influenced not only by pedagogical theories, but also by socio-political movements and official ideologies. After the dualist monarchy of Austria-Hungary was established, the school and its issues turned into an arena of nationalist and political struggle and it also became an object of increased state control. All stakeholders considered schools and teachers as an effective tool for enhancing their influence. As schools felt growing pressure from the state, political parties, and national organisations, the word “freedom” sounded increasingly loud in public speeches during meetings of teachers’ associations and appeared more frequently in the pedagogical periodicals. The article analyses teachers’ journals and newspapers, which were the press organs of teachers’ associations of different political background, where Austrian schoolteachers used the discourse of “freedom” to express their views on their profession, their identity, and their role in society. The author identifies the following main meanings of freedom in the Austrian teachers’ polemic: personal freedom and civil liberties, professional freedom, freedom in fulfilling one’s national mission, and freedom from political engagement. At the same time, special attention is paid to the policies of the Viennese Ministry of Culture and Education and the actions of the Habsburg bureaucracy, which triggered the teachers’ demand for freedom for schools. This allows for a correction of the findings in the historiography, which previously ignored the role of state officials in the development of Austrian schooling. The author questions the thesis about the passivity of Habsburg officials in the face of the nationalist onslaught and argues that teachers’ protests against the restriction of their freedom were caused by the bureaucracy’s desire to improve the quality of teaching in schools and to provide civic and patriotic education for pupils that was aimed at developing a sense of “Austrianness”, love for the “great Fatherland” and loyalty to the ruling dynasty.

Keywords: Habsburg Monarchy, Austria-Hungary, schooling, history of education, nationalism, patriotism, loyalty, civic and patriotic education, national identity, pedagogical press

Financing: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01067, <https://rscf.ru/project/24-28-01067>, project “Loyalty and patriotism in a multi-ethnic society: indoctrination processes in the Habsburg Empire from the second half of the eighteenth to the early twenties centuries”.

Received: 5 May 2024

Accepted: 4 June 2024

How to cite: But, Ju. E., 2024. Diskurs svobody v avstriiskoi pedagogicheskoi presse 1867–1914 gg. kak instrument protesta protiv gosudarstvennogo i obshchestvennogo kontrolya. *Central-European Studies*, 7, pp. 13–42. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.1>.